

DOI:

О РЕВЕРСИВНЫХ ПРОЦЕССАХ В РАЗВИТИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ¹

Э.А. ПАИН,

доктор политических наук, профессор
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
главный научный сотрудник РАНХиГС, г. Москва, Россия,
e-mail: painea@mail.ru

В статье автор делает попытку обоснования своей гипотезы о том, что Россия с начала 2000-х годов демонстрирует вполне типичный для многих стран мира волнообразный процесс подъема и спада общественного интереса к тем или иным политическим моделям. В частности, наблюдаются признаки то угасания интереса к социализму, то вспышки его временной реабилитации, подъема интереса к демократии, а затем временного отката от нее и такого же недолговечного усиления интереса к авторитарным формам управления. Центральное место в статье отводится исследованиям реверсивных колебаний российского общественного мнения в 1990–2000-х гг по вопросам ценностей традиционализма и модернизации, отношения к Западу и, особенно, этнической идентификации, этнического самосознания, являющихся одной из основных предметных зон в научном творчестве автора статьи. В данной статье демонстрируются некоторые особенности этно-национального самосознания жителей Российской Федерации (прежде всего, ее этнического большинства) применительно к оценке политических стратегий и одновременно подчеркивается типологическое сходство тенденций изменений, колебаний общественных настроений в России и во многих других странах. Волны колебаний в этносоциологической сфере сопоставляются с изменениями отношения российского общественного мнения как идеям социализма, так и к неолиберальным политическим стереотипам в их российской версии. Автор подчеркивает, что это универсальный волнообразный процесс, который имеет свою специфику в России, как и в любой стране, но это вовсе не «особый путь», трактуемый его идеологами как мистическая предопределенность российского авторитаризма.

Ключевые слова: демократия; «обратная волна»; аскриптивная идентичность; традиционализм; неопатримониализм

ON REVERSE PROCESSES RELATED TO POST-SOVIET RUSSIA DEVELOPMENT

EMIL PAIN,

Doctor of Politics (DSc),
Professor of the National Research University Higher School of Economics,
Leading Staff Scientist of the Institute of Sociology of the
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: painea@mail.ru

¹ Статья подготовлена в рамках научной работы по гранту Российского Научного фонда (РНФ) № 15-18-00064..

The author makes an attempt to justify his hypothesis that Russia since the early 2000s demonstrates a quite typical for many countries undulating process of rise and fall of public interest to the different political models. In particular, there are periods of waning of interest in socialism, followed by a period of its temporary rehabilitation, restoring of interest in democracy, then a temporary retreat from it, and again short-lived interest to authoritarian forms of government. The paper focuses on the reversible fluctuations of Russian public opinion in 1990–2000s on values related to traditionalism and modernization, attitude toward the West and, particularly, ethnic identity, as the major interest of the author. This article demonstrates some features of ethno-national identity of residents of the Russian Federation (especially – of its ethnic majority) in relation to the evaluation of policies, emphasizing at the same time the typological similarity of trends of change and fluctuations of public opinion in Russia and in many other countries. Waves of ethnosociological vibrations are compared with the change in attitude of the Russians toward the ideas of socialism and to the neo-liberal political stereotypes, in perception of Russians. The author emphasizes that there is a universal wave-like process that has its own specifics in Russia, as in any other country, but there is no any «special way» interpreted by its ideologists as a mystical predetermination of the Russian authoritarianism.

Ключевые слова: *democracy; «reverse wave»; ascriptive identity; traditionalism; neopatrimonialism.*

JEL classifications: *N00, Z18.*

Введение

Циклические процессы сравнительно недавно стали предметом изучения в мировой науке и, возможно, поэтому всякий откат от демократии в любой стране у одних вызывает почти мистический ужас, а у других – представления о будто бы predetermined невосприимчивости к демократии тех или иных народов. То, что откат от демократии закономерен, что не исключает ее последовательное распространение в мире, одним из первых обосновал С. Хантингтон. Его концепция о трех волнах демократизации опровергла господствовавшее еще в 1980-х годах упрощенное представление о демократизации как процессе однонаправленном, прямолинейно поступательном и сразу же побеждающем (Хантингтон, 2003). Хантингтон предложил более сложную, но и более адекватную модель этого процесса, используя образ приливов и отливов демократизации. Именно он ввел понятие «обратной волны» (*reverse wave*) демократизации, обосновав почти неизбежные, но временные отступления ранней демократии под напором более архаичных и, следовательно, более укоренных недемократических режимов².

Итак, согласно С. Хантингтону, существовало три волны (или этапа) глобальной демократизации, которые привели к росту на планете числа стран с демократической формой правления. Первая волна, охватывающая, по Хантингтону, 1828–1926 годы, привела к становлению в мире 29 демократий. Вторая волна прилива демократии (1943–1962) увеличила число демократических стран до 32. Третья волна (1970–1990-е годы) обеспечила самый массовый приток стран в зону демократии. По данным *Development Alternatives Inc.*, к началу 2000-х годов из 193 независимых и признанных государств мира 70% декларировали себя как демократические (Сигл, 2007). Однако на каждом этапе обратная волна вымывала значительную часть новообращенных стран из зоны демократии и вновь уносила их к традиционному авторитаризму. В каком-то смысле волны демократизации и откаты укладываются в схему «два шага вперед – шаг назад».

Наиболее характерной чертой третьей волны стал принципиально глобальный характер процесса демократизации, охватившего практически все континенты. Само стремление подавляющего большинства государств мира, включая авторитарные, хотя бы называться демократиями, свидетельствует, что демократические режимы стали к концу XX века наиболее влиятельной политиче-

² При всем разнообразии толкований понятия «демократия», его сущность и главные признаки в большинстве случаев трактуются одинаково. *Демократия – власть народа. Форма правления, верховной властью в которой реально облечен народ (граждане государства), осуществляющий свои полномочия прямым или непрямым способом (через систему представителей, избираемых в ходе свободных, конкурентных и равноправных выборов.*

ской силой в глобальном масштабе. Вместе с тем и на этом этапе сохранилась высокая вероятность попятных движений к авторитаризму.

«Зачем искать врагов»

Распад многонациональных государств, таких, как СССР, неизбежно вызывает «кризис идентичности», выходом из которого в посттоталитарных обществах чаще всего является усиление так называемой «аскриптивной идентичности», при которой человек обычно ассоциирует себя с общностями, которые Э. Шилз назвал *primordial* (естественными), – семейными, родовыми, земляческими, этническими, религиозными и другими. Процессы такого рода наблюдались во всех постсоветских государствах, и Россия в этом смысле не исключение.

Естественным следствием усиления роли аскриптивной идентификации стал и рост традиционализма, повышенный интерес к прошлому, обращение к истории, к национальным традициям как канону нравственных оценок. Самооценки жителей России в стиле «я русский, принадлежу к государству с тысячелетней историей» заметно усилились за 20 лет (1989–2009), тогда как значение такой формы самоопределения, как принадлежность к «советским людям», уменьшилось за тот же период с 31 до 12% (Сигл, 2007).

Замечу, что рост традиционализма, особенно таких его разновидностей, как этнический национализм, наблюдался во всех постсоветских государствах, включая страны Балтии. Если что и выделяет Россию, так это запаздывание интереса к этническому традиционализму у большей части населения России по сравнению с жителями других новых государств. В начале 1990-х, когда национальные фронты пришли к власти во многих постсоветских странах, когда десятки национальных движений, партий и группировок появились в автономиях Российской Федерации, уровень этнического самосознания русских все еще оставался таким же низким, каким он предстает по материалам этносоциологических исследований в СССР в 1980-е годы. Более 90% русских продемонстрировали этнический нигилизм, безразличие («я никогда не задумывался, какой они национальности»), и менее 10% подчеркивали: «Я никогда не забываю, что я русский». За период 1994–1999 годов доля лиц с ярко выраженными признаками этнической озабоченности («я никогда не забываю, что я...», далее перечислялись национальности) выросла у всех обследованных в России этнических групп, но особенно заметным этот рост стал у русских, только в этой группе он удвоился. При этом быстрее всего выросли наиболее эмоционально выраженные формы этнического самосознания. Если в 1994 году не более 8% русских в республиках РФ отвечали, что «любые средства хороши для отстаивания благополучия моего народа», то в 1999 году не только в республиках, но впервые и в русских областях такую ориентацию проявили в опросах более четверти русских респондентов³. Рост этнического самосознания русских в значительной мере стал ответом на предшествовавшее ему возбуждение этнических меньшинств. Буквально взрыв этнической озабоченности и откровенной ксенофобии у русского населения фиксировался после «первой чеченской войны» (1994–1996).

Параллельно развивался традиционализм как противопоставление «плохому» (в социально-экономическом и политическом отношении) настоящему некоего «золотого века» в прошлом. Понятно, что такие настроения явились результатом прежде всего усталости от либеральных реформ 1990-х годов и усиливающегося восприятия их как провалившихся. Такие настроения стали в российском обществе почти тотальными после финансового кризиса 1998 года. В усилении социально-политического традиционализма этот кризис сыграл ту же роль, какую «чеченская война» сыграла во взвинчивании традиционализма этнического.

С середины 1990-х годов российское общественное мнение демонстрирует инверсивные перемены в отношении к большинству фундаментальных политических явлений. Радикально изменилась оценка советской системы. В 1991 году свыше половины (57%) опрошенных ВЦИОМ соглашались с тем, что в результате коммунистической революции «страна оказалась на обочине истории и принесла людям лишь нищету», а в 1995 году точно такая же доля россиян поддерживала совершенно иное мнение: «Советская система была не так уж плоха, однако не годными были ее правители». Еще через два года в общественном мнении началась и реабилитация советских лидеров. По данным ВЦИОМ, к 1997 году советская власть характеризовалась сравнительно наибольшей частью опрошенных (36%) как «близкая народу, своя», а новая российская («власть Ельцина и демократов») – как «далекая от народа, чужая» (41%) (Гудков, 2002).

³ По материалам исследовательских проектов, выполненных под руководством Л.М. Дробизевой: «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов» (1993–1996) и «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (1999–2001).

В этих оценках проявилась одна из особенностей русского национального сознания, отличающих его от коллективных представлений в большинстве других посткоммунистических стран⁴. Русское население, хоть и понесло самые значительные потери (человеческие жертвы и разрушения национальной культуры) в результате небывало длительного, более чем 70-летнего тоталитарного правления, не воспринимало этот режим как внешне навязанный. Для россиян он оставался «своим» и даже «близким народу». При этом если немецкое общество, также самостоятельно на своей культурной почве породившее германский тоталитаризм, связывало с ним национальную катастрофу, поражение в войне, то русское общество, при некоторых внешних пропагандистских усилиях со стороны истеблишмента, оказалось способным связать с тоталитарным режимом Великую победу над фашизмом.

В период, когда в элитарном и массовом сознании преобладало критическое отношение к советскому прошлому, большинство россиян смотрело на Запад как на эталон движения в будущее. В 1989 году 60% опрошенных оценивали западный образ жизни как образцовый (Дубин, 2003. С. 137). В середине 90-х начался демонтаж этого эталона, а к 2000 году оценки конца 80-х поменялись на противоположные. В это время 67% опрошенных определили западный вариант общественного устройства как «противоречащий укладу жизни русского народа» (Дубин, 2003. С. 150). Отказ от иллюзий перестройки с ее прозападными настроениями сопровождался усилением утешительной веры в то, что «у России свой особый путь». При этом образ «особого пути» в массовом сознании чрезвычайно размыт, лишен какой-либо конкретности и в основном связан с идеализацией традиционно русских норм поведения, которые противопоставляются западным. «Есть опыт наших дедов, и мы должны держаться за него», – с этим суждением в конце 1990-х годов были согласны 65% опрошенных (Гудков, 2002. С. 133).

Прочность и масштабы российских антизападных настроений также демонстрируют особенности российского варианта разложения тоталитаризма. Процесс усталости от политических и экономических реформ наблюдался и в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. В некоторых из них также проявились ретроградные политические процессы. Например, в Польше и Румынии в 1990–2000-е годы на какое-то время к власти пришли левые партии и вернулись на политическую сцену персоны, сделавшие политическую карьеру в годы коммунистического правления⁵. Однако движение европейских посткоммунистических обществ на Запад не прервалось, поскольку с ним было связано долгосрочное и фундаментальное стремление «вырваться из империи». В России же такой «автоматики» не было. Советская империя рухнула, но элементы имперского сознания остались. С ними связан и такой феномен общественной жизни России, как «имперский национализм», противоречащий принятым канонам теории национализма, рассматривающей его только как противоположность имперскому сознанию.

В 1991 году большинство опрошенных в России (49%) полагало: «Зачем искать врагов, если корень наших бед в нас самих?» – и лишь 12% были уверены, что источником проблем русских являются их враги. В 1994 году уже 41% опрошенных видели во врагах главный источник своих бед, но почти столько же придерживались противоположного мнения. Понадобилось еще пять лет, чтобы образ «врага» прочно утвердился в сознании россиян, и в 1999 году уже подавляющее большинство опрошенных (65%) стало объяснять свои проблемы поисками врагов (Гудков, 1997). Вряд ли кого-нибудь удивит тот факт, что привычная, стереотипная и удобная идея переноса ответственности за проблемы русского народа на «врагов» приобретала все новых сторонников по мере роста негативного восприятия жизни в России. Понятно, что возвращение к старому всегда требует меньших усилий, чем освоение новых ценностей. Поражает другое – сравнительно прочная устойчивость новой для посттоталитарного мышления идеи – «корень наших бед в нас самих». Позволю себе выдвинуть предположение о том, что за девять десять лет с начала «перестройки» и до середины 90-х годов в российском обществе начала формироваться новая, либеральная по своей сути, традиция, основанная на идеях индивидуальной свободы и персональной ответственности, которая оказалась способной, на какое-то время, сопротивляться возвращению советских стереотипов.

⁴ Этнические русские в этих опросах составляли 85% опрошенных.

⁵ С 1995 по 2005 год президентом Польши дважды избирался А. Квасневский, член ПОРП с 1977 по 1990 год, член прокремлевского правительства (министр по делам молодежи) Польши с 1985 по 1990 год. В 2000 году после периода правления правых партий в Румынии президентом этой республики избирается И. Илиеску, который был руководителем идеологического отдела ЦК РКП во времена диктатуры Н. Чаушеску.

Либеральная идеология в постсоветской России оказывала влияние на массовое сознание до тех пор, пока у россиян сохранялась надежда на перемены к лучшему в результате реформ. Влияние же традиционализма стало прогрессировать по мере роста разочарования в них. При этом традиционализм начал быстро окрашиваться в тона этнической ненависти: «чужой» это непременно «враг» и обязательно этнически не русский. Для усиления образа демократической власти как «чужой» российская националистическая оппозиция в своей пропагандистской деятельности использовала антисемитизм, приписывая некоторым видным деятелям администрации Б. Ельцина несвойственное им еврейское происхождение.

Таким образом, этнический традиционализм и социально-политический многократно пересекались, дополняя и усиливая друг друга. Такие процессы можно назвать «естественным ростом» традиционализма, поскольку они, как правило, почти неизбежно сопровождают распад империй и разложение тоталитаризма. Похожие процессы наблюдались и в других постсоветских странах, хотя и с некоторым своеобразием, обусловленным особенностями исторического опыта разных народов. Однако как только такой традиционализм проявляется, он тут же становится ходким товаром на политическом рынке и сырьем для политических технологий, конструирующих новый искусственный традиционализм. Воспроизводство такого традиционализма становится подлинной индустрией, особенно в тех случаях, когда его разработку ведут влиятельные средства массовой информации, контролируемые государством.

Интерес к традиционализму проявляла уже администрации первого президента России. В эпоху Б. Ельцина вернулись в качестве государственных символов и имперский двуглавый орел на государственном гербе, и имперский триколор в качестве государственного флага. В это время были идентифицированы и захоронены по православному обряду останки последней царской семьи России. Постоянные публичные манифестации религиозности новой власти и многочисленные фотографии президента вместе с патриархом Русской православной церкви даже дали повод шутникам того времени сложить анекдот о том, что в постсоветской России место коммунистического политбюро заняло «метрополитбюро». означало, на мой взгляд, Ельцин не столько стремился повысить свой рейтинг опорой на набирающий популярность традиционализм, сколько хотел противопоставить исторически традиционные царские символы искусственным коммунистическим. Возрождение Православной церкви, разрушенной большевиками, также должно было, по мысли Ельцина, символизировать его стратегическую линию возврата России в естественную историю, прерванную коммунистическим переворотом; а также возврата ее в семью цивилизованных европейских народов, из которой страна была вырвана большевиками. Получение администрацией Б. Ельцина согласия членов британской королевской семьи участвовать в генетической экспертизе останков царской семьи Романовых преследовало не только утилитарные цели, оно должно было подчеркнуть историческое кровное родство русской и европейской элиты (см. подробнее: Мошкин, Шкуренок, 2008).

Второй президент России В. Путин воспринял от предшественника не только пышность ритуала инаугурации президента России, больше напоминающей коронацию русских царей, но и небывалый объем полномочий, сосредоточенных в руках президента России, тех полномочий, которые при Ельцине были внесены в Конституцию страны. Он перенял и технологию исторической легитимации президентской власти, но в отличие от своего предшественника легитимировал советский режим.

Ельцин проводил политику «возвращения России в Европу», Путин возродил сталинскую политику «осажденной крепости», антизападническую риторику холодной войны и шпиономанию. Ельцин символизировал разрыв России с тоталитаризмом; при Путине же российские власти рассылали ноты протеста тем европейским странам, которые признали сталинизм и гитлеризм равно не допустимыми формами тоталитаризма.

Одним из главных политических достижений Ельцина было становление федерализма в России. Пусть это был еще не полноценный федерализм, поскольку возросшими при нем политическими правами российских автономий воспользовалась лишь их элита, но политика Ельцина, основанная на переговорном процессе и достижении компромиссов между федеральной властью и элитами национальных республик, давала надежду на становление федеративных отношений в России. Политика же Путина исходит из радикально противоположной цели – обеспечения беспрекословного подчинения регионов федеральному центру. Для этого процедура прямого избрания глав регионов была заменена их назначением из Москвы. По сути,

Россия возвратилась к имперскому принципу управления национальными территориями через своих наместников.

Ельцин подчеркивал антиимперский характер своей политики. При Путине доминирующей линией политики России стало «великодержавие», то есть фактически культ империи. Для этой цели возрождается, в том числе и публицистами, близкими администрации Путина (М. Леонтьевым, В. Третьяковым), культ Сталина. Для «державников» Сталин стал «новым собирателем империи, новым Петром Великим, новым супергосударственником, которому прощалось народом многое» (Бондаренко, 2000).

Кстати, второе пришествие культа Сталина – это образец сугубо искусственной, «изобретенной традиции». Даже в период, когда значительная часть населения России отказала в доверии власти «демократов» и предпочла им власть советскую, это совсем не означало возрождение любви к Сталину. Еще в 2002 году не время правления Сталина рассматривается общественным мнением как эталон «хороших советских времен». Наибольшая часть опрошенных (39%) предпочла бы жить во времена Л. Брежнева, и лишь 3% выбрали в качестве предпочтительного сталинский период, и при этом мирные годы первых пятилеток (ВЦИОМ, 2002. С. 20). Выбор брежневского времени во многом был продиктован восприятием его как стабильного, сытого, без репрессий и потрясений, поэтому особенно привлекательного для людей, уставших от 15-летнего периода бурных политических трансформаций. Российским политическим технологом «путинского призыва» нужно было очень сильно постараться, чтобы наперекор таким настроениям превратить Сталина в один из символов современной России.

Ныне образ Сталина «раскручен» и популярен настолько, что эту золотую жилу активно разрабатывают представители разных политических сил, например, бывшие либералы, ныне политические перебежчики, обосновавшиеся в стане «державников». В рядах левых сил, подлинных наследников Сталина, который безжалостно разрушал и русские национальные традиции, и церковь, гноил в лагерях как русских националистов, так и видных представителей русского клира, создаются движения с невероятной идеологической начинкой из смеси сталинизма, национализма и православия (Квачков, 2009). Однако все разновидности такого изобретенного традиционализма недолговечны – это скорее мода, чем традиция.

Традиционализм без традиций

Традиционализм как политический интерес к опоре на традиции в России, безусловно, есть, а вот в какой мере сохранились сами традиции – т.е. накопленный культурный опыт, передающийся из поколения в поколение и воспроизводящий своеобразие форм, норм и ценностей культуры? Понятие «традиция» генетически восходит к лат. *traditio* и к глаголу *tradere*, означающему «передавать». Воспроизводство традиций возможно лишь при наличии особых социальных каналов для диахронной, межпоколенной передачи (трансляции) ценностей и норм культуры, а также механизмов социального контроля, поддерживающих устойчивость традиционных норм.

Многие народы бывшего Советского Союза сохранили и то и другое вопреки тоталитарной политике борьбы с «традиционными пережитками». Что касается русского общества, то в нем практически не сохранились те партикуляристские институты, которые все еще выполняют важные социокультурные функции у народов Средней Азии и Кавказа. Намного ниже в России, чем, например, в христианских странах Латинской Америки или в Южной Европе (не говоря уже об исламских странах мира), социальная и политическая роль церкви. Ф. Фукуяма полагает, что уровень проявлений семейно-родственных отношений и передаваемых по этим каналам традиций в России ниже в сравнении не только с такими откровенно традиционными обществами, как китайское, но и со многими европейскими, например французским и итальянским. По его мнению, «фамилистические» общества, «то есть те, в которых наиглавнейшим путем реализации общественного инстинкта является семья или более широкие родственные структуры: кланы и племена», обладают «более высоким уровнем социализированности, чем современная Россия; члены российского общества «не умеют объединяться друг с другом» (Фукуяма, 2004. С. 57).

Действительно, на большей части территории России почти полностью демонтированы механизмы традиционного социального контроля вместе с институтами, которые их хранили. О сельской общине прочно забыли уже в середине прошлого века. Религиозные общины, православные церковные приходы были разрушены в советское время, и их роль, скорее всего, не восстановится ныне, учитывая, что свыше 97% православных верующих не считают себя ча-

стью какого-либо одного прихода и посещают церковь эпизодически, по случаю и какую придется. Еще недавно были дворы, в которых пенсионеры, играя в домино, все же приглядывали за соседями, а бабушки, сидевшие на лавочках перед парадным, судачили о нравственности тех или иных семей. Это хоть как-то восполняло отсутствие полноценного механизма социального контроля, действующего по принципу: «Что люди скажут?» Сегодня и этого нет. А родственные отношения? Их разрушение в российской и прежде всего в русской среде, доведение некогда плотных родственных контактов до уровня эпизодического общения – общепризнанный факт. Об ослаблении семейных и родственных связей в русской среде свидетельствует почти полное забвение основных терминов родства, обозначающих родственников за пределами малой нуклеарной семьи.

Соседские связи в городах наполнены реальным содержанием лишь в границах лестничной площадки. Уже в пределах одного подъезда они ограничиваются в лучшем случае эпизодическими приветствиями друг друга. Договориться же о чем-то жителям всего многоквартирного дома обычно очень сложно. Как отмечает И. Шмерлина, в современных российских городах «соседи воспринимаются отчасти как вынужденный, навязанный элемент окружающей среды» (Шмерлина, 2006).

Социологический мониторинг российского общества (Левада-Центр, 1991–2005) указывает на монотонное ослабление всех видов социальных связей и сжатие сферы межличностного общения до уровня своей квартиры. Две трети опрошенных устойчиво ограничивают свои еженедельные контакты во вне рабочее время лишь общением с членами своей семьи и родственниками. Более или менее регулярно во вне рабочее время и за пределами своей квартиры общаются: с коллегами по работе – 20% опрошенных, с членами одной добровольной общественной, политической, культурной организации либо спортивного клуба, секции – 5%, с людьми, принадлежащими к той же церкви, – 2% (см.: Дубин, 2006).

Не вызывает сомнений тот факт, что представление о российском обществе как коллективистском, соборном и общинном – это миф. Напротив, сегодня это общество – одно из наиболее атомизированных в современном мире. Это признает большинство экспертов, по крайней мере в академической среде. Менее освоено следствие из этого факта – атомизация общества существенно ухудшает условия трансляции социокультурных и особенно этнических традиций.

Таким образом, традиционализм в России лишен своих естественных социальных корней, но он и не является в российских условиях основным механизмом поддержания авторитарного режима. Эту функцию в России выполняет разобщенность. «Российский социум, – пишет Б. Дубин, – причем именно в образованной и урбанизированной его части – стал более простым и однородным, уплотненным и раздробленным, но тем самым и более податливым для внешних воздействий на всех и каждого из его атомизированных членов» (Там же).

Между традицией и правом

Новое, развившееся уже в постсоветское время состояние социальных связей, их прогрессирующая атомизация наряду с традиционной склонностью к патернализму и отсутствием исторического опыта самоорганизации и самоуправления создают благоприятную почву для воспроизводства в современной России особой разновидности авторитарного политического режима – патримонильного. Эта модель была обоснована М. Вебером, подчеркивавшим ее переходный характер, проявляющийся в обществах, находящихся на пути между традиционными и рационально-легальными отношениями. В ее рамках права и обязанности представителей разных страт общества не легитимируются традицией, не опираются на нее. Это уже рациональные отношения, порожденные страхом или выгодой, но они еще не легальные, не опирающиеся на закон. Вся система патримонильных отношений основывается на личной (неправовой) зависимости бюрократии от правителя, народа от бюрократии.

Веберовская модель ныне стала особенно популярной в мировой политологии и часто используется для объяснения как самой специфики политических режимов в посткоммунистических странах, так и причин их устойчивости⁶. Вебер выделил разные типы личной зависимости бюрократии от властителя – от самых жестких, основанных на страхе наказания смертью («султанский тип»), до сравнительно мягких, покоящихся на взаимной экономической выгоде. Все эти разновидности проявляются и сегодня. Скажем, взаимоотношения нынешнего правителя Чечни Р. Кадырова не

⁶ Наиболее полный обзор этих работ см. в: Фисун (2006. С. 155–178). См. также: Масловский (1995).

только со своей личной гвардией, но и со своим чиновничеством – это образец патримониальных отношений султанского типа. Отказ от подчинения султану карается смертью. При этом изменники при невыясненных обстоятельствах погибают не только в Чечне, но и в Москве и даже в городах Западной Европы.

Султанский тип патримониализма проявляется и в ряде других регионов постсоветского мира, но все же в России, как и в большинстве постсоветских стран, преобладает не деспотия, а более мягкая экономическая зависимость клиентов от патрона. В такой системе патримониальный чиновник служит не из страха, он вознаграждается за верность возможностью использования служебного положения в личных целях.

М. Вебер считал не только переходными, но и принципиально неустойчивыми. Этот вывод в основе своей верен, особенно применительно к неопатримониальным атомизированным обществам, однако жизнь показала, что такие режимы более устойчивы, чем предполагалось в начале XX века.

Прежде всего, с тех пор кардинально изменилась возможность манипуляции общественным мнением, и дело не только в росте могущества информационных технологий, но и в ослаблении традиционной культуры. Атомизированные общества с ослабленными механизмами традиционной саморегуляции становятся более пластичными, податливыми к конструированию квазитрадиций (жизни «по понятиям»), на какое-то время заменяющих полноценные нормы.

В сегодняшних условиях значительно возросли возможности использования так называемого административного ресурса. В современных патримониальных системах шансы на приход к власти политической оппозиции в результате выборов крайне малы, даже если оппозиция не запрещена полностью, как в Туркмении, и не уничтожается физически, как в Чечне. Скажем, в Грузии, где количество легальных партий велико, политические ресурсы оппозиции примерно так же малы, как и в России, где осталась едва ли не единственная оппозиционная партия – КПРФ – и разрозненные группировки либерально-демократического толка. Да и сами партии трудно отличить от патримониальной власти, поскольку они построены на личных отношениях – это всего лишь группы поддержки популярных личностей.

В неопатримониальных политиях перевернута с ног на голову система взаимоотношений между партиями, представленными в парламенте, и исполнительной властью. Не власть зависит от партий, а партии от исполнительной власти. В таких условиях даже при честных выборах мала вероятность демократического управления страной.

Что особенно важно, при современном могуществе политических технологий и разнообразии административных ресурсов простейшие электоральные демократии обречены на вырождение, на подмену имитационными формами, если они не опираются на свои естественные корни – институты гражданского общества. Но в том и состоит проблема развития постсоветских обществ, что в большинстве из них институты гражданского общества очень слабы и к тому же искусственно подавляются. Именно это делает весьма вероятными ретроградные политические процессы. Хочу подчеркнуть, что элементарные и неустойчивые демократии сносит в сторону авторитаризма почти вне зависимости от личных особенностей и биографии лидера страны или региона, будь то бывший агент специальных служб, партийный функционер или бюрократ новой постсоветской формации. Так, академик А. Акаев пришел к власти в Киргизии на волне перестройки. Поначалу он демонстрировал и свой демократизм, и прозападную ориентацию, но затем его режим выродился в обычный авторитарный патримониализм и был свергнут в ходе «цветной революции». Просвещенный юрист Н. Федоров, член Межрегиональной депутатской группы времен горбачевской перестройки, демократ из демократов в 1980-е годы, став президентом Чувашии, создал «демократуру», мало отличимую от режима соседней Башкирии, где с советских времен правит М. Рахимов. М. Саакашвили по демократичности фразеологии может быть занесен в книгу рекордов Гиннеса, но его оппоненты, победившие в Грузии на парламентских выборах (октябрь 2012 г.), а затем и президентских (октябрь 2013 г.), добиваются уголовного наказания Саакашвили, упрекая его, не без оснований, в авторитаризме, в злоупотреблении властью.

Наряду с общими механизмами самосохранения патримониальных режимов в России проявляются и специфические, вытекающие из ее собственного исторического опыта. Так, знаменитую фразу В. Черномырдина: «В России, какую партию не строй – получается КПСС», – можно трактовать не как фатальную предопределенность истории, а как традиционно российский технологический прием сведения новаций к известным шаблонам. По крайней мере последние два века правители на Руси боролись с опасными для них инновациями тем, что противопоставляли им заготовки местного производства, которые похожи на зарубежные новации по форме, но

противоположны им по содержанию. Так, термин «нация» стал известен образованному обществу России в самом начале XIX века, почти тогда же, когда он стал обсуждаться в интеллектуальных кругах Франции. Однако сразу же французская идея нации как согражданства, основанного на народном суверенитете, в России была подменена доктриной «официальной народности» или, как ее называет Р. Суни, доктриной «официального национализма». Согласно ей, народ – вовсе не суверен, это дитя, опекаемое самодержцем как любящим, но строгим отцом. Официальный национализм, по мнению Суни, явился «ответом правящих групп, преимущественно династических и аристократических, на угрозу исключения или маргинализации последних в воображенном сообществе... и был связан с попытками аристократии и монархии сохранить империю» (Суни, 2007. С. 65). После Первой мировой войны на месте мировых империй стали складываться федерации, но российский «особый путь» проявился в создании Союза Советских Социалистических Республик как формы сохранения империи, лишь декорированной некими атрибутами федеративного устройства. Последний по времени пример культурной подмены – это доктрина «суверенной демократии».

«Российская система» не традиционна, но инерционна. Основой этой инерции является господство сырьевой экономики. Как торговала Россия сырьем при Петре I, так и торгует, только вместо леса и пеньки продает нефть и газ. Сырьевые товары составляют 85% российского экспорта и охватывают более 50% российского ВВП, в то время как в развитых странах этот показатель составляет менее 20%. Проблема «ресурсного проклятия» известна давно: множество стран со значительными природными ресурсами получают весьма малую выгоду от их использования. Главное же, что тотально сырьевая экономика уменьшает стимулы к модернизации. Зачем менять отношение к труду, жизненные устои, если можно сносно жить на нефтедоллары? Впрочем, подобные формы самосохранения авторитаризма наблюдались и в других странах. Т. Ворожейкина приводит в качестве примера Мексику в период более чем полувекового правления Институционно-революционной партии, которая обеспечила свое долголетие, осуществляя «обмен политических прав и свобод на перераспределение дохода в пользу средних и низко доходных групп населения через государственно-корпоративистские механизмы» (Ворожейкина, 2009). В России используется примерно тот же механизм, но в нашей стране сверхдоходы от ресурсной экономики еще в большей мере облегчают процесс выкупа демократии у населения.

Сложившаяся структура экономики препятствует утверждению собственнических начал среди большей части российского населения. В России, как отмечал В. Розанов, вся собственность выросла из того, что была либо пожалована государем, либо украдена у кого-то. Вот и в постсоветский период нефтяные поля и газовые месторождения не были заработаны новыми российскими бизнесменами или получены ими по наследству. Эта собственность досталась им от государства, поэтому и сохраняет свое значение диагноз Розанова: «Труда в собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается» (Розанов, 1990. С. 45). Существует прямая связь между ресурсной экономикой и структурой элит. В России главенствует элита, связанная с ТЭК, в наибольшей мере зависящая от государства, поэтому и наиболее сервильная по отношению к власти. Такая элита в наименьшей мере склонна к опоре на гражданское общество.

Засилье нефтегазовой экономики обусловило избыточную роль государственной власти в жизни России. С. Кардонский назвал такое государство «ресурсным» (Кардонский, 2007. С. 219). Главным ресурсом всегда была территория, с ее землями и недрами, поэтому ресурсное государство в качестве высшей цели выдвигает удержание, а по возможности и расширение территории. «Имперский тип государственности, – отмечает А. Захаров, – оказывается естественным оформлением режима, построенного на экспорте сырьевых ресурсов» (Захаров, 2008. С. 41). В таком государстве не приживается федерализм с его децентрализацией власти и широкими полномочиями региональных центров в сфере самоуправления. Политическая апатия нулевых годов еще в большей мере увеличила вероятность возврата России от декоративной федерации к типу правления, напоминающему имперский, который всегда опирается на власть наместников в провинциях.

Господство природных ресурсов в экономике при дефиците человеческих требовало прикрепления населения к территории, а после отмены крепостного права – прикрепления его к власти. И то и другое было связано с лишением основной части жителей их гражданской и политической субъектности. Используя формулу Дж. Хоскинга, можно сказать, что «строительство государства в

России мешало строительству нации» (Хоскинг, 2000. С. 11). Но одновременно происходил и рост безответственности государева человека: «Барин правит – пусть он и отвечает за все». Мало что изменилось с тех пор, и не приходится удивляться тому, что как не было на Руси общества, способного контролировать государственный аппарат и осознавать свою ведущую роль в политической системе, так его и нет. Более того, в этом отношении наблюдается даже регресс, связанный с утратой традиционных институтов социального контроля. Отсюда и гигантские качели инверсии ценностей, о которой я уже говорил.

Неопатримониальные режимы устойчивы, как Матрица⁷. Они изменяются только в результате внутреннего раскола элиты или революции, которые тоже чаще всего являются всего лишь формой перераспределения власти между ячейками все той же Матрицы. В ходе революции в Киргизии президента А. Акаева сверг К. Бакиев, бывший его премьер-министр. А кто такие два последних президента Украины В. Ющенко и В. Янукович? Премьер-министры президента Л. Кучмы. А М. Саакашвили? Министр в правительстве свергнутого им президента Э. Шеварднадзе.

Матрица прочна. Но она не вечна. Инерция – не фатум и не вечный двигатель. Инерция, как и традиция, ограничивает возможность произвольного движения, задает некоторую особенность исторического пути народа и страны, однако само понятие инерции предполагает возможность ее преодоления при определенных изменениях условий среды и усилении импульсов внешних воздействий. И такие импульсы ныне проявляются все заметнее в силу большей, чем в прошлом, взаимосвязи стран мира.

Вызовы времени как стимулы к переменам

Сохраняют свое значение выводы М. Вебера о принципиальной неустойчивости патримониальных систем. Она порождается прежде всего хроническим дефицитом легитимности власти. Власть уже не от Бога, но и не от закона, не от выборов. Пока терпят лидера в расчете на то, что он защитит от совсем отвязавшихся бояр, но ресурс личного авторитета быстро портящийся. Отношения внутри элит не легитимированы ни религией, ни законом, ни традиций. Почему московские элиты должны признать верховенство питерских? Почему одним жирные куски, другим объедки? Признать это элитарные группы не могут, к тому же они все в большей мере ощущают, что власть не готова к демонстрации декларированной поначалу «равной удаленности» от всех олигархических групп. В неправовом государстве высока вероятность доминирования неких кланов, отраслевых или региональных групп интересов. В таких условиях высока вероятность того, что элита, которая не может укрыться за традицией и рассчитывать на постоянное благоволение к ней патрона, будет пробиваться к защите закона, будет заинтересована в переходе от власти авторитета к власти нормы, следовательно, рано или поздно станет поддерживать политическую модернизацию.

Системным пороком патримониальных режимов является также вырождение их общественных функций. Еще Вебер отмечал, что неизбежным следствием присвоения служебного положения является утрата чиновничеством своих бюрократических функций. Иными словами, патримониальный чиновник перестает быть государственным служащим, поскольку государственные и общественные интересы подменяются его личными или корпоративными. Вырождение общественных функций бюрократии приводит к тому, что такие режимы буквально разлагаются от коррупции.

Патримониальные режимы – это всего лишь средство самосохранения сложившегося истеблишмента, они принципиально не пригодны к проведению политики модернизации, во всех ее формах, как мобилизационной, так и тем более инновационной. Отсутствие же модернизационных перемен в условиях включенности России в систему глобальной экономики будет постоянно напоминать о себе растущим отставанием нашей страны в мировой конкуренции. Эти вызовы, скорее всего, будут стимулировать возрастание общественного интереса к политическими переменам, хотя для таких перемен нужны еще и внутренние предпосылки – готовность общества к освоению

⁷ В данном случае термин «Матрица» используется примерно в том же значении, как в знаменитом фильме Э. и Л. Вачовски, имеющем такое название. В фильме Матрица – это рукотворная компьютерная программа, которая при всем ее могуществе подвластна воле людей и в принципе может быть перенастроена или уничтожена. Вот и патримониальная матрица, в моем понимании, – это всего лишь модель легитимации господства, которая поддается изменению, хотя и обладает высокой инерционной устойчивостью. Совершенно иная трактовка исторической матрицы проступает в произведениях многих современных российских квазикультурологов, использующих понятие матрицы в мистическом смысле как рок, предопределяющий некий «особый» исторический путь.

рационально-легальных форм жизнедеятельности, обычно предшествующих становлению устойчивых демократий. Такие процессы в России проявляются, но крайне противоречиво. Впрочем, анализ этих процессов – тема совсем другой статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондаренко В. (2000). Народ вседержитель // *Завтра*, № 1 (318), 4 января.
- Ворожейкина Т. (2009). Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия. Тезисы выступления на конференции «Российские альтернативы». (Пятое Ходорковские чтения), 8 декабря // Международное общество «Мемориал» (<http://www.memo.ru/2009/12/12/vorozheykina.htm>).
- ВЦИОМ (2002). Общественное мнение – 2002. По материалам исследований 1989–2002 годов. М.
- Гудков Л. (1997). Русский неотрадиционализм // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения*, № 2, с. 25–33.
- Гудков Л. (2002). Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам / В кн.: Малахов В.С., Тишков В.А. (ред.) *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ*. М.: ИФ – ИЭА РАН, с. 132–133.
- Дубин Б. (2003). Запад для внутреннего потребления // *Космополис*, № 1 (3), с. 137.
- Дубин Б. (2006). Массмедиа и коммуникативный мир жителей России: пластическая хирургия социальной реальности // *Вестник общественного мнения*, № 3 (83), с. 33–46 (<http://www.polit.ru/research/2006/09/06/dubin.html>).
- Захаров А. (2008). Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М.: МШПИ.
- Кардонский С. (2007). «Патриоты» и космополиты в ресурсном государстве / В кн.: Клямкин И. (ред.) *Российское государство: вчера, сегодня, завтра*. М.: Новое издательство.
- Квачков В. (2009). Сталин сегодня: русский православный социализм // *Народное ополчение*. Официальный сайт В. Квачкова (http://www.kvachkov.org/narod.php?narod=social_sphere/182-vladimir-kvachkov-stalin-segodnya-russkij.html).
- Масловский М. (1995). Веберовская концепция патримониализма и ее современные интерпретации // *Социологический журнал*, № 2, с. 95–109.
- Мошкин М., Шкуренок Н. (2008). Императорский том. Следственный комитет идентифицировал детей Николая II // *Время новостей*, № 127, 17 июля (<http://www.vremya.ru/2008/127/51/208516.html>).
- Розанов В. (1990). Уединенное / В кн.: Розанов В.В. *Сочинения*. М.: Советская Россия.
- Сигл Дж. (2007). Демократия и процветание (http://usinfo.state.gov/dd/ru_democracy_dialogues/ru_prosperity/ru_prosperity_essay.html).
- Суни Р. (2007). Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи / В кн.: Тишков В.А., Шнирельман В.А. (ред.) *Национализм в мировой истории*. М.: Наука, Институт этнологии и антропологии РАН.
- Фисун А. (2006). Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков.
- Фукуяма Ф. (2004). Доверие. М.: АСТ.
- Хантингтон С. (2003). Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН.
- Хоскинг Дж. (2000). Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск: Русич.
- Шмерлина И. (2006). Социальная экология соседства // *Социальная реальность. Журнал социологических наблюдений и сообщений*, № 9 (<http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=211&print=yes>).

REFERENCES

- Bondarenko V. (2000). Narod vsederzhitel [People Almighty]. *Zavtra*, № 1 (318), January 4. (In Russian.)
- Dubin B. (2003). Zapad dlya vnutrennego potrebleniya [West for domestic consumption]. *Kosmopolis*, № 1 (3). (In Russian.)
- Dubin B. (2006). Massmedia i kommunikativnyi mir zhitelei Rossii: plasticheskaya khirurgiya sotsialnoi realnosti [Media and communicative world of people in Russia: Plastic surgery for social reality]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya [Herald of public opinion]*, № 3 (83), pp. 33–46 (<http://www.polit.ru/research/2006/09/06/dubin.html>). (In Russian.)

- Fisun A. (2006). Demokratiya, neopatrimonializm i globalnye transformatsii [Democracy, neopatrimonialism and global transformations]. Kharkov. (In Russian.)
- Fukuyama F. (2004). Doverie [Trust]. Moscow: AST Publ. (In Russian.)
- Gudkov L. (1997). Russkiy neotraditsionalizm [Russian neotraditionalism]. *Economicheskie i sotsialnye peremeny: monitoring obshchestvennogo mneniya* [Economic and social change: monitoring of public opinion], № 2, pp. 25–33. (In Russian.)
- Gudkov L. (2002). Russkiy neotraditsionalizm i soprotivlenie peremenam [Russian neotraditionalism and resistance to change] / In: Malakhov V.S. and Tishkov V.A. (eds.) *Multikulturalizm i transformatsiya postsovetskikh obshchestv* [Multiculturalism and the transformation of post-Soviet societies]. Moscow, pp. 132–133. (In Russian.)
- Kardonskiy S. (2007). «Patrioty» i kosmopolity v resursnom gosudarstve [«Patriots» and cosmopolitans in the resource state] / In: Klyamkin I. (eds.) *Rossiyskoe gosudarstvo: vchera, segodnya, zavtra* [Russian state: yesterday, today, tomorrow]. Moscow: Novoe izdatelstvo Publ. (In Russian.)
- Khantington S. (2003). Tretya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka [The third wave. Democratization in the late XX century]. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian.)
- Khosking J. (2000). Rossiya: narod i imperiya [Russia: people and the Empire] (1552–1917). Smolensk: Rusich Publ. (In Russian.)
- Kvachkov V. (2009). Stalin segodnya: russkiy pravoslavnyi sotsializm [Stalin today: Russian Orthodox socialism]. *Narodnoe opolchenie* [The Civil Uprising]. Official site of V. Kvachkov (http://www.kvachkov.org/narod.php?narod=social_sphere/182-vladimir-kvachkov-stalin-segodnya-russkij.html). (In Russian.)
- Maslovskiy M. (1995). Veberovskaya kontseptsiya patrimonializma i ee sovremennye interpretatsii [Weber's concept of patrimonialism and its modern interpretations]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Journal of sociology], № 2, pp. 95–109. (In Russian.)
- Moshkin M. and Shkurenok N. (2008). Imperatorskiy tom. Sledstvennyi komitet identifikiroval detei Nikolaya Vtorogo [Imperial tome. Investigation Committee identified the children of Nicholas II]. *Vremya novostei*, № 127, July 17 (<http://www.vremya.ru/2008/127/51/208516.html>). (In Russian.)
- Rozanov V. (1990). Uedinennoe [Personal] / In: Rozanov V.V. Works. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ. (In Russian.)
- Shmerlina I. (2006). Sotsialnaya ekologiya sosedstva [Social ecology of neighborhood]. *Sotsialnaya realnost. Zhurnal sotsiologicheskikh nablyudeniy i soobshcheniy* [Social Reality. Journal of sociological observation and communications], № 9 (<http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=211&print=yes>). (In Russian.)
- Sigl J. (2007). Democracy and prosperity (http://usinfo.state.gov/dd/ru_democracy_dialogues/ru_prosperity/ru_prosperity_essay.html). (In Russian.)
- Suni R. (2007). Imperiya kak ona est: imperskiy period v istorii Rossii, «natsionalnaya» identichnost i teorii imperii [Empire as it is: the imperial period in the history of Russia, «national» identity and the theories of Empire] / In: Tishkov V.A. and Shnirelman V.A. (eds.) *Natsionalizm v mirovoi istorii* [Nationalism in the world history]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)
- Vorozheikina T. (2009). Avtoritarnye rezhimy XX veka i sovremennaya Rossiya: skhodstva i otlichiya [Authoritarian regimes of the twentieth century and contemporary Russia: similarities and differences]. *Abstracts of presentations at the conference "The Russian alternatives" (The fifth Khodorkovsky readings)*, December 8. *International society «Memorial»* (<http://www.memo.ru/2009/12/12/vorozheykina.htm>). (In Russian.)
- WCIOM (2002). Obshchestvennoe mnenie – 2002 [Public opinion – 2002]. Based on the research materials of 1989–2002. Moscow. (In Russian.)
- Zakharov A. (2008). Unitarnaya federatsiya. Pyat etyudov o rossiiskom federalizme [Unitary Federation. Five studies of the Russian federalism]. Moscow. (In Russian.)